

Милосердие. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> приятного чтения!

Милосердие. Даниил Александрович Гранин

В прошлом году со мной приключилась беда. Шел я по улице, поскользнулся и упал... Упал неудачно, хуже некуда: лицом о поребрик, сломал себе нос, все лицо разбил, рука выскочила в плече. Было это примерно в семь часов вечера. В центре города, на Кировском проспекте, недалеко от дома, где я живу. С большим трудом поднялся – лицо залито кровью, рука повисла плетью. Забрел в ближайший подъезд, пытался унять платком кровь. Куда там – она продолжала хлестать, я чувствовал, что держусь шоковым состоянием, боль накачивает все сильнее и надо быстро что-то сделать. И говорить-то не могу – рот разбит. Решил повернуть назад, домой. Я шел по улице, думаю, не шатаюсь; шел, держа у лица окровавленный платок, пальто уже блестит от крови. Хорошо помню этот путь – метров примерно триста. Народу на улице было много. Навстречу прошла женщина с девочкой, какая-то парочка, пожилая женщина, мужчина, молодые ребята, все они вначале с любопытством взглядывали на меня, а потом отводили глаза, отворачивались. Хоть бы кто на этом пути подошел ко мне, спросил, что со мной, не нужно ли помочь. Я запомнил лица многих людей – видимо, безотчетным вниманием, обостренным ожиданием помощи...

Боль путала сознание, но я понимал, что если лягу сейчас на тротуаре, преспокойно будут перешагивать через меня, обходить. Надо добираться до дома. Позже я раздумывал над этой историей. Могли ли люди принять меня за пьяного? Вроде бы нет, вряд ли я производил такое впечатление. Но даже если бы и принимали за пьяного... – они же видели, что я весь в крови, что-то случилось – упал, ударился, – почему же не помогли, не спросили хотя бы, в чем дело? Значит, пройти мимо, не ввязываться, не тратить времени, сил, «меня это не касается», стало чувством привычным?

Раздумывая, с горечью вспоминал этих людей, поначалу злился, обвинял, недоумевал, негодовал, а вот потом стал вспоминать самого себя. И нечто подобное отыскивал и в своем поведении. Легко упрекать других, когда находишься в положении бедственном, но обязательно надо вспомнить и самого себя. Не могу сказать, что при мне был точно такой случай, но нечто подобное обнаруживал и в своем собственном поведении – желание отойти, уклониться, не ввязываться... И, уличив себя, начал понимать, как привычно стало это чувство, как оно пригрелось, незаметно укоренилось.

Раздумывая, я вспоминал и другое. Вспоминал фронтовое время, когда в голодной окопной нашей жизни исключено было, чтобы при виде раненого пройти мимо него. Из твоей части, из другой – было невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили... Кое-кто, может, и нарушал этот закон фронтовой жизни, так ведь были и дезертиры, и самострелы. Но не о них речь, мы сейчас – о главных жизненных правилах той поры.

И после войны это чувство взаимопомощи, взаимобязанности долго оставалось среди нас. Но постепенно оно исчезло. Утратилось настолько, что человек считает возможным пройти мимо упавшего, пострадавшего, лежащего на земле. Мы привыкли делать оговорки, что-де не все люди такие, не все так поступают, но я сейчас не хочу оговариваться. Мне как-то пожаловались новгородские библиотекари: «Вот вы в „Блокадной книге“ пишете, как ленинградцы поднимали упавших от голода, а у нас на днях сотрудица подвернула ногу, упала посреди площади – и все шло мимо, никто не остановился, не поднял ее. Как же это так?» Обида и даже упрек мне звучали в их словах.

И в самом деле, что же это с нами происходит? Как мы дошли до этого, как из нормальной отзывчивости перешли в равнодушие, в бездушие, и тоже это стало нормальным.

Не берусь назвать все причины, отчего утратилось чувство взаимопомощи, взаимобязанности, но думаю, что во многом это началось с разного рода социальной несправедливости, когда ложь, показуха, корысть действовали безнаказанно. Происходило это на глазах народа и губительнейшим образом действовало на духовное здоровье людей. Появилось и укоренилось безразличие к своей работе, потеря всяких принципов – «А почему мне нельзя?» Начинало процветать вот то самое, что мы называем теперь мягко, – бездуховность,

равнодушие.

Естественно, это не могло не сказаться на взаимоотношениях людей внутри коллектива, требовательности друг к другу, на взаимопомощи, ложь проникала в семью – всё взаимосвязано, потому что мораль человека не состоит из изолированных правил жизни. И тот дух сплоченности, взаимовыручки, взаимозаботы, который сохранялся от войны, дух единства народа, – терялся. Начиная с малого, пропадал.

У моего знакомого заболела мать. Ее должны были оперировать. Он слышал о том, что надо бы врачу «дать». Человек он стеснительный, но беспокойство о матери пересилило стеснительность, и он, под видом того, что нужны будут какие-то лекарства, препараты, предложил врачу 25 рублей. На это врач развел руками и сказал: «Я таких денег не беру». – «А какие надо?» – «В десять раз больше.» Мой знакомый, работник среднего технического звена, человек небогатый, но поскольку речь шла о здоровье матери, раздобыл деньги. Что его поразило: когда он принес врачу деньги в конверте, тот преспокойно вынул их и пересчитал.

На этом история не заканчивается. После операции мать умерла. Врач сказал моему знакомому: «Я проверил, мать ваша умерла не в результате операции, у нее не выдержало сердце, поэтому деньги я оставляю себе». То есть он повел себя как бы порядочно: вот если бы женщина умерла в результате операции, деньги бы он вернул.

С полным сознанием своей правоты говорил это врач государственной клиники, представитель профессии гуманной, человеколюбивой – так, во всяком случае, мы привыкли думать о врачах.

Рассказываю об этом случае не потому, что он особый, а потому, что он не особый.

Женщина развелась с мужем и через суд потребовала алименты. Присудили. А ребенок находится у родителей мужа, и мать эта даже думать не думает взять ребенка и заботиться о нем. Но алименты исправно получает. К сожалению, все больше случаев я знаю, когда матери отказываются от своих детей. Прежде это были единичные случаи, поражавшие людей. Сейчас они не поражают.

К сожалению, наши обильные разговоры о нравственности часто носят слишком общий характер. А нравственность... она состоит из конкретных вещей – из определенных чувств, свойств, понятий.

Одно из таких чувств – чувство милосердия. Термин несколько устаревший, непопулярный сегодня и даже как будто отторгнутый нашей жизнью. Нечто свойственное лишь прежним временам. «Сестра милосердия», «брат милосердия» – даже словарь дает их как «устар.»», то есть устаревшие понятия.

В Ленинграде, в районе Аптекарского острова, была улица Милосердия. Сочли это название отжившим, переименовали улицу в улицу Текстилей.

Изъять милосердие – значит лишить человека одного из важнейших действенных проявлений нравственности. Древнее это, необходимое чувство свойственно всему животному сообществу, птичьему: милость к поверженным и пострадавшим. Как же так получилось, что чувство это у нас заросло, заглохло, оказалось запущенным. Мне можно возразить, приведя немало примеров трогательной отзывчивости, соболезнования, истинного милосердия. Примеры, они есть, и тем не менее мы ощущаем, и давно уже, убыль милосердия в нашей жизни. Если бы можно было произвести социологическое измерение этого чувства...

Милосердие изничтожалось не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий никому не позволяли оказывать помощь семьям пострадавших, нельзя было приютить детей арестованных, сосланных. Людей заставляли высказывать одобрение смертным приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные милосердию, расценивались как подозрительные, а то и преступные. Из года в год чувство это осуждали, вытраивали: оно-де аполитичное, не классовое, в эпоху борьбы мешает, разоружает... Его сделали запретным и для искусства. Милосердие действительно могло мешать беззаконию, жестокости, оно мешало сажать, оговаривать, нарушать законность, избивать, уничтожать. Тридцатые годы, сороковые – понятие это исчезло из нашего лексикона. Исчезло оно и из обихода, ушло как бы в подполье. «Милость падшим» оказывали

Милосердие. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
таясь и рискуя...

Уверен, что человек рождается со способностью откликаться на чужую боль. Думаю, что это врожденное, данное нам вместе с инстинктами, с душой. Но если это чувство не употребляется, не упражняется, оно слабеет и атрофируется.

Упражняется ли милосердие в нашей жизни?.. Есть ли постоянная принуда для этого чувства? Толчок, призыв к нему?

Вспомнилось мне, как в детстве отец, когда проходили мимо нищих – а нищих было много в моем детстве: слепых, калек, просто просящих подавание в поездах, на вокзалах, на рынках, – отец всегда давал медяк и говорил: поди подай. И я, преодолевая страх, – нищенство нередко выглядело довольно страшновато, – подавал. Иногда преодолевал и свою жадность – хотелось приберечь деньги для себя, мы жили довольно бедно. Отец никогда не рассуждал: притворяются или не притворяются эти просители, в самом ли деле они калеки или нет. В это он не вникал: раз нищий – надо подать.

И как теперь я понимаю, это была практика милосердия, то необходимое упражнение в милосердии, без которого это чувство не может жить.

Хорошо, что нищих у нас сейчас нет. Но должны же быть какие-то другие обязательные формы проявления милосердия человеческого. Ведь в чрезвычайных, аварийных случаях оно же проявляется.

Например, недавняя трагедия в Чернобыле. Она всколыхнула народ и душу народную. Бедствие проявило у людей самые добрые, горячие чувства, люди вызывались помогать и помогали – деньгами, всем, чем могли, 567 миллионов рублей добровольно пожертвовали в фонд помощи пострадавшим от аварии в Чернобыле. Это огромная цифра, но главное – душевный отклик: люди сами охотно разбирали детей, принимали пострадавших в свои дома, делились всем. Это, конечно, проявление всенародного милосердия, чувство, которое всегда было свойственно нашему народу: как всегда помогали погорельцам, как помогали во время голода, неурожая...

Но Чернобыль? Землетрясения – это аварийные ситуации. Куда чаще милосердие и сочувствие требуются в нормальной повседневной жизни, от человека к человеку. Постоянная готовность помочь другому воспитывается, может быть, требованием, напоминанием о постоянно нуждающихся в этом...

Не ради упражнения, а потому что много есть в жизни нашей людей, которым необходимо простейшее чувство сострадания и милосердия.

После того падения пришлось побывать мне в больнице. Это была самая обыкновенная старая городская больница скорой помощи. Поскольку она старая, то уже не совсем обыкновенная, ибо находилась (и находится по сей день) в ужасном состоянии. Здание обветшало, полы в первом этаже шаткие, горячей воды нет, бегают крысы. Не буду называть эту больницу, потому что работают там прекрасные врачи-энтузиасты, которые именно в таких больницах и удерживаются. Не хочу, чтобы они пострадали, – как правило, достается им, а не начальству.

Ночами, от боли, мне не спалось, я бродил по коридору. Длинный этот коридор был заставлен койками и раскладушками с больными. Мест в палатах не хватало. Лежали вперемешку мужчины, женщины – постанывали, ворочались. Кто просил поднять, кто – пить. Санитарок – нет. Давно известная беда не только ленинградских больниц. Одна санитарка на все травматологическое отделение, на девяносто человек, хотя положено четыре. Присылают иногда на эту роль «пятнадцатисуточных» – вот до чего не хватает людей. Хочу я, кому что подсобить. Где похрапывали, где стонали, ворочались, просили пить. Напоминало мне это фронтовой госпиталь после боя. С той лишь разницей, что санитарок не было. Но в эту ночь никаких подсобниц не было. Кого-то я поил, кого-то загипсованного поворачивал. Подозвала меня одна старая женщина. Попросила посидеть рядом. Пожаловалась, что страшно ей, заговорила про своих близких, про свою трудную жизнь. Взяла меня за руку. Замолчала. Я думал, заснула, а она умерла. Рука ее стала коченеть.

На фронте навиделся я всяких смертей. И то, что люди умирают в больницах, – вещь неизбежная. Но эта смерть поразила меня. Чужого, неважно, хоть кого-то подозвала эта женщина, томась от одиночества перед лицом смерти. Невыносимое должно быть чувство. Наказание, и страшное, за что – неизвестно. Заботу о человеке,

Милосердие. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
бесплатную медицину, гуманизм, коллективность жизни – как это все соединить с тем, что человек умирает в такой заброшенности? Не стыд ли это, не позор и вина наша всеобщая? У верующих существовало таинство соборования, отпущение грехов. Человек причащался. Человек чувствует приближение конца. Ему легче, когда рядом кто-то, даже чужой, не говоря уж о своих. Чью-то руку держать в этот прощальный миг, последнее слово сказать кому-то, чтобы его слушали. Хотя бы той же сестре милосердия, брату милосердия, которые у нас «устар.». В такие минуты проверяется милосердие как уровень общественной нравственности.

Конечно, положение, до которого доведены наши обыкновенные городские больницы, когда медсестры и врачи вынуждены брать на себя функции санитарок, чтобы больные не оставались без ухода, – положение это тяжелейшее. Низки оклады санитарок, работа тяжелая, грязная – подать, перевернуть, обтереть, принести, унести. Ненормально, когда в той же больнице скорой помощи постоянная теснота (вместо 7 м имеется лишь 4 м на больного), не хватает медицинской техники. Но, кроме всего этого, санитарка стала профессией непрестижной, и прежде всего потому, что исчезло то материнское, святое, сострадательное, что делало уход за больными привилегией женской сердечности. Оклады окладами, но должен еще быть почет и уважение к делу милосердия. Санитарка, медсестра, может, сегодня наиболее человеколюбивое занятие, где царит и побеждает не образование, а душевные качества человека. Именно здесь требуется терпение, доброта, нежность. Медицине не хватает милосердия.

Молодежь охотно откликнулась на призывы, ехала на целину, на БАМ, на большие и малые стройки; никто не обращался – нужны те, кто сможет утешать страждущих, поднимать павших духом, исцелять уходом своим. Думаю, что найдутся, пойдут, шли же в госпитали, в больницы во время войны и совершали чудеса. То была война – возразят мне. Но человек страдает и сегодня, и ныне жизнь человеческая так же дорога и хрупка.

Недавно прочел я книгу «О всех созданиях – больших и малых». Автор Джеймс Хэрриот – английский сельский ветеринар. Профессия скромная, бесславная, соответственно, и пишут о ней редко. Книга эта о работе ветеринарного врача, как он ездит по йоркширским фермам, обслуживает скотину, птицу, заодно и собак и кошек. Лечение животных – занятие многотрудное, часто опасное, а уж грязи хватает в полутемных скотных дворах, свинарниках. Чего только не приходится терпеть ветеринару от своих бессловесных пациентов – удары копытом, укусы; чтобы установить диагноз, нужна, кроме опыта, знаний, еще любовь к животным – к этим коровам, лошадям, овцам, кошкам, ко всем живым тварям. Любовь рождает наблюдательность и взаимопонимание. Будничная невыигрышная работа, круглосуточные вызовы, ничего захватывающего, героического, и тем не менее повествование волнует волнением особым, от которого мы отвыкли при чтении художественной литературы. Каждый раз герою приходится искать решения – что случилось, как спасти, как помочь страдающему животному. Подкупает достоверность происходящего случая, подтрунивание над собой, однако главное в этой книге – горячее чувство сострадания к живому.

Какое наслаждение испытывает наш ветеринар, когда удастся привести в чувство быка, пострадавшего от солнечного удара. Он не может примириться с видом поросят, гибнущих оттого, что мать не может их кормить. Мучается за старого мерина, у которого надо сломать зубы. Часами лежит на каменном полу рядом с коровой, помогая ей отелиться. Возится с псом, которого переломала машина. Пес ничейный, казалось бы, введи дозу снотворного, и все беды кончатся, но он проводит многочасовую сложную операцию, спасая эту жизнь. Другую старую псину кладет на операционный стол только потому, что представляет, какую невыносимую боль испытывает животное от заворота век.

Казалось бы, корова, овца, обреченные на убой, что уж так печалиться о них, – нет, для него они живые существа, которым он, врач, должен помочь, исцелить или хотя бы уменьшить их муки. Удачи и неудачи, все они пронизаны сочувствием, которое не слабеет, а похоже, растет из года в год. В ветеринарию идут по любви к животным. Большие колхозные, совхозные стада как бы обезличили это чувство. И сострадать тут некогда. Но все же животное, хочешь не хочешь, требует сердечного отклика.

Автор ни к чему не призывает, не морализирует, и в этом, как всегда бывает, сила его безыскусного рассказа.

Читая, я не без стыда вспоминал стаи бродячих собак в пригородах и дачных местностях – результат нашей жестокости и эгоизма, и думал, что напрасно мы столь иронично относились к бытующим во всем мире обществам защиты животных. Думая о том, почему в Ленинграде многие годы никак не поощряется содержание собак, уж я не говорю о том, что не существует специальных собачьих кормов. Думалось о том, что развитие нравственного самосознания общества заставляет пересмотреть то, что когда-то с ходу отвергалось, какие-то формы общественной жизни, которые ныне можно использовать. Такова, например, проблема филантропии. Опыт нашей России, да и западный опыт может быть в этом смысле использован. Принимать частное вспомоществование считается неприличным, чуть ли не унижительным. Образовались как бы условности нашей социалистической морали. Страдать от одиночества – неприлично; одиночество – состояние, не свойственное советскому человеку. Быть несчастным неприлично. Быть бедным – тоже. Между тем одиночество – бедствие не только старых, но и молодых, оно вовсе не случайность, не следствие плохого характера и т. п. Бедность? При этом пожимают плечами, бедных, мол, у нас нет, а если встречаются, то это недосмотр собеса, это государственная забота, которая освобождает нас от ответственности. Между тем ясно, что милосердие – дело сугубо частное. Вот мы учредили фонд культуры – благородную и нужную организацию. Ведь это тоже филантропия по отношению к памятникам, сокровищам истории и культуры. Фонд культуры – это прекрасно, но почему с такой же деятельностью мы не можем обратиться к людям? Разве социалистическое общество – это не общество взаимоучастия людей, взаимопомощи, взаимодобра, взаимопонимания? «Филантропия» переводится с греческого как человеколюбие. Надо, очевидно, создавать какие-то формы участия, внимания, помимо казенных. У нас есть скрытая бедность, застенчивая бедность. Есть бедность, которая и рада бы принять помощь, но мы сами стесняемся или не знаем о ней. Есть хронические больные, есть разные беды, требующие участия неформального, деликатного. Такое участие нужно и для тех, кто может помогать, хочет помогать, как-то применить нерастраченные силы своего добротворства.

В «Памятнике», где так выношено каждое слово, Пушкин итожит заслуги своей поэзии классической формулой:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Как бы ни трактовать последнюю строку, в любом случае она есть прямой призыв к милосердию. Можно проследить, как в поэзии и в прозе своей Пушкин настойчиво проводит эту тему. От «Пира Петра Великого», от «Капитанской дочки»... «Выстрела», «Станционного смотрителя» – милость к падшим становится для русской литературы нравственным требованием, одной из высших обязанностей писателя. В течение девятнадцатого века русские писатели призывают видеть в забитом, ничтожнейшем чиновнике четырнадцатого класса, станционном смотрителе человека с душой благородной, достойной любви и уважения, человека, оскорбленного так несправедливо. Пушкинский завет милости к падшим пронизывает творчество Гоголя и Тургенева, Некрасова и Достоевского, Толстого и Короленко, Чехова и Лескова. Это не только прямой призыв к милосердию вроде «Муму», но это и обращение писателя к героям униженным и оскорбленным, сирым, убогим, бесконечно одиноким, несчастным, к падшим, как Сонечка Мармеладова, как Катюша Маслова. Живое чувство сострадания, вины, покаяния в творчестве больших и малых писателей России росло и ширилось, завоевав этим народное признание, авторитет. Социальные преобразования нового строя, казалось, создадут всеобщее царство равенства, свободы и братства счастливых рядовых людей. Все оказалось сложнее. Литературе пришлось жить среди закрытых, запечатанных дверей, запретных тем, замкнутых сейфов. Важнейшие этапы истории нашей жизни были неприкасаемы. Нельзя было касаться многих трагедий, имен, событий. Мало этого, социальная несправедливость, то, что люди терпели от власти имущих обиды, лишения, хамство, все это тоже тщательно процеживалось, ограничивалось. Как ни странно, именно в военной литературе тема гуманности, милосердия прозвучала особенно сильно и страстно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Милосердие. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!